

гостевая | форум | почта

Вы опознаны как **новый пользователь:**
регистрация

Библиотека Альдебаран

Авторов: 10481
Книг: 48028

А В С D E F G H I J K L M N O P Q R S
T U V W X Y Z
А Б В Г Д Е Ё Ж З И Й К Л М Н О П Р С
Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я Ё [Серии]

СТАРТОВАЯ | НОВЫЕ КНИГИ | ОБНОВЛЕНИЯ | РЕЦЕНЗИИ

ФАНТАСТИКА
ДЕТЕКТИВЫ И БОЕВИКИ
ПРОЗА
ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТСКИЕ
ПОЭЗИЯ И ДРАМАТУРГИЯ
СТАРИННАЯ ЛИТЕРАТУРА
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
КОМПЬЮТЕРЫ И ИНТЕРНЕТ
СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ
РЕЛИГИЯ И ДУХОВНОСТЬ
ЮМОР
ДОМ И СЕМЬЯ
ДЕЛОВАЯ ЛИТЕРАТУРА
СЕРИИ И САГИ
РЕФЕРАТЫ NEW!
ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ КНИГ
СТАРАЯ БИБЛИОТЕКА
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
КНИГИ О КУКЛАХ И МИШКАХ ТЕДДИ. ФОРУМ КНИЖНЫЙ

Библиотека / [Фантастика](#) / [Фэнтези](#)

Джин Вулф

Рыцарь

(Рыцарь-чародей - 1)

		Содержание
		1 2 3 4
		5 6 7
		8 9 10
		11 12 13
		14 15
		16 17 18
		19 20
		21 22 23
24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35		

ГЛАВА 2

РАЗРУШЕННЫЙ ГОРОД

Меня разбудило солнце. Я до сих пор живо помню, как здорово было лежать там, под теплыми солнечными лучами, вдали от чужих голосов, от всех чужих трудов и забот, от всех вещей, о которых мне постоянно напоминала тетива. Я пролежал на солнце, наверное, целый час, прежде чем поднялся.

Я почувствовал голод и жажду. Дождевая вода в чаше разбитого фонтана показалась мне восхитительной на вкус, а выпрямившись, я увидел рыцаря, наблюдавшего за мной, – высокого широкоплечего мужчину в кольчуге. Его лица я не разглядел под шлемом, но на верхушке шлема у него чернел дракон, сверливший меня взглядом, и изображения черных драконов украшали его щит и плащ. У меня на глазах рыцарь начал растворяться в воздухе, и через пару секунд ветер развеял клочки тумана, оставшиеся от него. Прошло много времени, прежде чем я узнал, кто он такой, поэтому сейчас я не стану ничего говорить про него, но хочу сказать об одной вещи, упомянуть которую здесь можно с таким же успехом, как в любом другом месте.

Тот мир называется Митгартром. Я узнал это позже, но не вижу причин, почему бы тебе не узнать это сейчас. Пещера Парки находилась не полностью там, а между Митгартром и Эльфрисом. Остров Блюстоун расположен целиком в Митгартре, но я оказался там, только когда попил воды. Или, если выразиться совсем точно, я перенесся туда окончательно. Вот почему появился рыцарь: он хотел удостовериться,

QLE 120x240

что я выпью воды.

– Боже мой! – сказал я, но меня никто не услышал. Рыцарь напугал меня. Нет, я вовсе не решил, что мне являются видения, – просто я думал, что нахожусь на острове один. Я продолжал опасно оглядываться через плечо (это не такая уж дурная привычка, Бен), но так никого и не увидел.

На восточном краю острова скалы были не такими крутыми. Я нашел несколько мидий и съел их сырыми. Солнце стояло высоко над головой, когда шлюпка с двумя рыбаками подошла к острову на достаточно близкое расстояние, чтобы они услышали мой крик. Я закричал, и они подгребли к берегу. Они спросили, помогу ли я им вытаскивать сети, коли они возьмут меня на борт; я пообещал помочь и перелез через планшир.

– Как бы ты выбрался отсюда без нашей помощи? – спросил старый рыбак.

Мне самому хотелось знать это, а еще почему у них такой забавный выговор; но я сказал: «А как отсюда вообще выбираются?» – и они предпочли закрыть тему. Они поделились со мной хлебом, сыром и рыбой, которую мы приготовили над костром, разведенным в ящике с песком. Не знаю точно, но, по-моему, именно тогда я начал любить море.

На закате они предложили мне забрать часть улова, добытого с моей помощью. Я сказал молодому рыбаку (парню немногим старше меня), что готов отдать свою долю в общий котел, если его жена приготовит ужин, поскольку мне негде остановиться. На том мы и договорились и, когда продали наш улов, отнесли лучшие рыбыны и несколько непроданных в маленький, полный народу домик, расположенный шагах в двадцати от воды.

После ужина мы принялись рассказывать разные истории, и, когда наступила моя очередь, я сказал:

– Я в жизни не видел призраков, если только сегодня мне не явился один из них. Поэтому я расскажу вам об этом, даже если никого не напугаю, как Скаур своей страшной историей о привидении. Просто мне больше нечего рассказать.

Никто не возражал; наверное, они уже не раз выслушивали истории друг друга.

– Вчера я оказался на одном каменистом острове недалеко отсюда, где раньше стояла башня...

– Остров герцога Индайна, – сказал Скаур, а его жена, Ша, добавила:

– Замок Блюстоун.

– Я провел ночь в саду, – продолжал я, – поскольку мне нужно было сделать там одно дело, посадить семечко. Понимаете, один знающий человек велел мне посадить семечко, и я не понимал, о чем идет речь, покуда не нашел семена вот здесь. – Я показал слушателям мешочек.

– Ты срубил колючий апельсин, – прохрипел дедушка Ша, указывая пальцем на мой лук. – Коли ты срубил колючий апельсин, ты должен посадить три семечка, юноша. Иначе моховики придут по твою душу.

Я сказал, что не знал этого. Он сплюнул в огонь.

– Люди не знают этого, сейчас не знают, вот почему колючих апельсинов осталось так мало. Лучшая древесина. Натираешь ее льняным маслом, ясно? И ей не страшна никакая непогода.

Он протянул руку, взял у меня лук и передал Скауру.

– Сломай его, сынок. Сломай о колено.

Скаура попытался. Он был сильным и согнул лук почти пополам, но тот не сломался.

– Видишь? Ты не можешь. Его не сломать. – Дедушка Ша хихикнул, когда Скаур вернул мне лук. – Обычно на колючем апельсине вырастает всего один плод, и в нем всего три семечка. Если срубаешь дерево, ты должен посадить три семечка в разных местах, иначе моховики явятся за тобой.

– Продолжай, Эйбел, – сказала Ша. – Расскажи нам про призрака.

– Сегодня утром я решил посадить первое семечко в саду замка Блюстоун, – сказал я. – Там была каменная чаша с дождевой водой, и я решил сперва посадить семечко и хорошенько полить. А после выпить оставшуюся воду.

Слушатели покивали.

– Я выкопал ножом ямку, бросил туда семечко, засыпал ямку землей, и так довольно влажной, и стал носить туда воду в пригоршнях. Когда вода уже перестала впитываться в землю, я принялся жадно пить из каменной чаши, а когда поднял глаза, увидел рыцаря, который стоял рядом и смотрел на меня. Я не разглядел его лица под шлемом, но он держал в руке зеленый щит с изображением дракона.

– Это не герцог Индайн, – заметил Скаур. – У него на щите изображался голубой вепрь.

– Ты заговорил с ним? – поинтересовалась Ша. – Что он сказал?

– Нет. Все произошло очень быстро, и я оцепенел от удивления. Он... он превратился в подобие облака, а потом и вовсе исчез.

– Облака суть дыхание Леди, – заметил дедушка Ша. Я спросил, кто такая Леди, но он лишь потряс головой и усталился в огонь.

– Разве ты не знаешь, – спросила Ша, – что ее имя нельзя произносить вслух?

Утром я спросил, как добраться до Гриффинсфорда, но Скаур сказал, что местечка под таким названием поблизости нет.

– А как называется ваш городок? – спросил я.

– Иррингсмаут, – ответил Скаур.

– По-моему, неподалеку от местечка, где живу я, есть город Иррингсмаут, – сказал я. На самом деле я не был в этом уверен, но мне казалось, что я уже слышал такое название. – Однако это большой город. Единственный действительно большой город, в котором мне доводилось бывать.

– Во всяком случае, никакого другого Иррингсмаута поблизости нет, – сказал Скаур.

Прохожий, случайно услышавший наш разговор, бросил на ходу:

– Гриффинсфорд расположен на Гриффине, – и ушел прочь, прежде чем я успел задать вопрос.

– Это приток нашей реки, – пояснил Скаур. – Иди на юг, покуда не достигнешь реки, а потом ступай по Речной дороге, и ты выйдешь к Гриффину.

И вот я отправился в путь, взяв с собой несколько кусочков засоленной рыбы, обернутых в чистую тряпку, и зашагал сначала на юг по узкому переулку, пролежавшему за мазаным домиком Скаура и Ша, потом по широкой улице, начинавшейся за переулком, а затем на восток по торной дороге вдоль реки. Она проходила через лишенный ворот проем в полуразрушенной городской стене и тянулась через молодые леса, где в затененных оврагах еще местами лежал снег и лужицы дождевой воды словно ждали чьего-то возвращения.

Потом дорога вилась между холмов, где двое встречных парней постарше меня заявили о своем намерении меня ограбить. Один угрожающе помахивал палкой, а другой держал наготове лук с натянутой

тетивой. Я сказал, что они могут взять у меня все, кроме лука. Как и следовало ожидать, они вцепились именно в лук. Я не отдал и получил палкой по башке. Тогда я стал драться: вырвал свой лук и здорово отходил им грабителей. Наверное, мне следовало испугаться, но я не испугался. Я страшно разозлился: надо же, они решили, что могут ударить меня, не получив сдачи! Первый бросил свою палку и пустился наутек, а другого я колотил, пока не повалил на землю; потом сел ему на грудь и пригрозил перерезать глотку.

Когда парень взмолился о пощаде, я его отпустил, и он тоже дал деру, бросив свой лук и колчан. На вид лук казался хорошим, но треснул, когда я согнул его на колене. Я снял с него тетиву и закинул колчан за спину. Вечером я соскоблил всю кору со своего лука (так что теперь мне оставалось только пропитать древесину льняным маслом) и натянул на него тетиву.

Дальше я шел, сам держа наготове лук с натянутой тетивой. Я не раз видел кроликов, белок и даже оленя; я стрелял, но лишь потерял пару стрел. Через несколько дней, когда меня уже качало от голода, я поутру наконец подстрелил куропатку и отправился на поиски огня. Я искал долго и уже почти решил махнуть на все рукой и съесть мясо сырым, но ближе к ночи заметил вдали, над деревьями, струйку дыма, похожую на белое привидение на фоне темного неба. Когда показались первые звезды, я нашел лачугу в густых зарослях диких фиалок. Она представляла собой каркас из жердей, покрытый звериными шкурами, с пологом из оленьей шкуры вместо двери. Я кашлянул, поскольку не мог постучать в дверь, а когда на мое покашливание никто не откликнулся, постучал по жердям каркаса.

– Кто там?! – раздался из лачуги голос, похоже принадлежавший весьма воинственно настроенному человеку.

– Жирная куропатка, – сказал я. Меньше всего на свете мне хотелось драться.

Полог из оленьей шкуры отодвинулся в сторону, и из-за него выглянул сгорбленный мужчина с длинной бородой. Рука у него мелко тряслась, и голова тоже, но голос не дрожал ни на сколько, когда он грозно рявкнул:

– Кто ты такой?

– Просто путешественник, готовый поделиться с вами подбитой птицей за огонь, – сказал я.

– Здесь нечего красть, – сказал бородач и поднял дубинку.

– Я пришел не грабить вас, а поджарить куропатку. Я подстрелил и ошипал птицу сегодня утром, но у меня нет огня, чтобы ее приготовить, а я умираю от голода.

– Тогда входи. – Мужчина посторонился, пропуская меня. – Можешь поджарить куропатку, коли оставишь мне кусочек.

– Оставляю, и не один, – сказал я и выполнил свое обещание: отдал хозяину лачуги оба крылышка и обе ножки.

Он не задавал мне никаких вопросов, но смотрел на меня так пристально, лишь изредка отводя глаза в сторону, что я назвал свое имя и возраст, объяснил, что я нездешний, и спросил, как добраться до Гриффинсфорда.

– Проклятье! Это моя родная деревня, юноша, и я до сих пор иногда навещаю туда. Но сейчас в Гриффинсфорде никто не живет.

Я не поверил.

– Мы с братом живем.

Бородач покачал трясущейся головой.

– Никто не живет. Там никого не осталось.

Тогда я понял, что наш городок называется не Гриффинсфорд. Возможно, Гриффин или Гриффинсбург... или что-то вроде. Но я не мог вспомнить.

– Они обратились ко мне за помощью, – пробормотал бородач. – Многие хотели бежать, но я сказал «нет». Оставайтесь и сражайтесь, сказал я. Если великанов окажется слишком много, мы обратимся в бегство, но сначала нужно испытать их силы.

Я обратил внимание на слово «великаны» и стал ждать, что же последует дальше.

– Вожаком у них был Шилдстар. Я тогда жил в отцовском доме. Не таком, как мой нынешний. В большом доме с мансардой под высокой крышей, с большой передней комнатой и маленькими задними. С большим каменным камином и столом, достаточно большим, чтобы усадить за него всех моих друзей.

Я кивнул, вспоминая дома, которые видел в Иррингсмауте.

– Шилдстар не был мне другом, но и он смог бы войти в мой дом. Правда, сгорбившись, как я сейчас.

– Вы сразились с ними?

– Да. За свой дом? За свои поля и Герду? Конечно! Я сразился, хотя половина людей пустилась в бегство, когда великаны только показались на дороге. Одного я пронзил копьем, а двух зарубил топором. Они падали как срубленные деревья, юноша. – Глаза мужчины сверкнули. – Камень... – Он потрогал пальцами висок и вдруг показался гораздо старше своих лет. – Не знаю, кто нанес мне удар... Да и камнем ли? Не знаю. Потрогай вот здесь, юноша. Пощупай под волосами.

Волосы у него были густые, темно-серые волосы, почти черные. Я осторожно дотронулся и мгновенно отдернул руку.

– С тех пор я мучаюсь. Вода и огонь. Знаешь? Это они любят больше всего. Загнали нас в пруд и разожгли вокруг костры. Загнали нас в пруд, словно скот. Швыряли в нас горящие головни, покуда все не утонуло. Все, кроме меня. Как твое имя, юноша?

Я повторил.

– Эйбел? Эйбел. Так звали моего брата. Много, много лет назад.

Я знал, что на самом деле у меня другое имя, но Парка велела мне использовать это. Я спросил мужчину, как его зовут.

– Нашел ондатровую нору под водой, – сказал он. – Нырлял и копал, поднимался на поверхность, чтобы набрать воздуха в грудь, а головни все горели и шипели. Потерял счет ныркам и ожогам, но не утонул. Вынырнул в ондатровом домике и дышал там. Дождался, когда ангриды решили, что все утонули, и ушли.

Я кивнул с таким чувством, будто видел все своими глазами.

– Попытался выкарабкаться на берег, но моя тень отделилась от меня. Упала обратно в пруд. До сих пор остается там. – Бородач потряс головой. – Сны? Нет, не сны... До сих пор барахтаюсь в пруду, и в меня летят горящие головни. Пытаюсь выкарабкаться на берег. Скользко... И огонь обжигает лицо.

– Если я останусь здесь на ночь, я могу разбудить вас, коли вам приснится дурной сон, – предложил я.

– Шилдстар, – пробормотал бородач. – Он высокий, как дерево, Шилдстар. Кожа как снег. Глаза как у совы. Я видел, как он схватил Бальдига и оторвал у него руки. Могу показать, где. Ты действительно направляешься в Гриффинсфорд, Эйбел?

– Да, – сказал я. – Я пойду завтра, если вы покажете мне дорогу.

– Я пойду с тобой, – пообещал бородач. – В этом году я еще не наведывался туда. Раньше часто ходил. Раньше жил там.

– Здорово, – сказал я. – У меня будет спутник, с которым можно поговорить и который знает дорогу. Мой брат наверняка страшно разозлился на меня, но сейчас уже остыл.

– Нет, нет, – пробормотал бородач. – Нет, нет. Бертольд Храбрый никогда не сердится на тебя, брат. Ты же не разбойник.

Так я остался с Бертольдом Храбрым. Он был малость не в своем уме, и у него не всегда все получалось. Но в смелости он не уступал мужчинам, которых мне доводилось встречать в жизни, и отличался исключительным великодушием. Я по мере сил заботился о нем и помогал ему, а он по мере сил заботился обо мне и учил меня. За годы нашего совместного проживания Бертольд Храбрый сделал мне много хорошего, Бен, но в конце концов я сумел отблагодарить его и, возможно, таким образом совершил самое доброе дело в своей жизни.

Иногда я задаюсь вопросом, не потому ли Парка сказала, что я Эйбел. Все описанные события происходили на северной окраине Целидона. Мне следовало упомянуть об этом раньше.

ГЛАВА 3

КОЛЮЧИЙ АПЕЛЬСИН

На следующий день Бертольд Храбрый занемог и попросил меня не уходить, поэтому я отправился на охоту, а не в Гриффинсфорд. Охотником тогда я был неважным, но благодаря скорее везению, чем умению, поразил двумя стрелами оленя. Древки стрел сломались, когда зверь упал, но железные наконечники я сохранил. Вечером, когда мы уплетали за обе щеки жареную оленину, я завел речь про эльфов и спросил Бертольда Храброго, слышал ли он об Эльфрисе и знает ли что-нибудь о народе, обитающем там.

– Да, – кивнул он.

– Я имею в виду настоящий Эльфрис.

Он промолчал.

– В Иррингсмауте одна женщина рассказывала историю про девушку, которая должна была выйти замуж за короля эльфов, но хитростью не подпустила его к своей постели. Но это просто сказка. Никто в нее не верит.

– Они иногда приходят сюда, – пробормотал Бертольд.

– Неужели? Настоящие эльфы?

– Да. Ростом не выше вот этих языков пламени. По большей части черные как уголь, как сажа. И грязные как сажа. Черные с головы до пят, если не считать зубов и языков. Глаза желтые и яркие как огонь.

– Они действительно существуют?

Он кивнул.

– Всего насчитывается семь миров, Эйбел. Разве я тебе не рассказывал?

Я ждал.

– Наш мир называется Митгартр. Некоторые говорят просто «Земля», но это неверно. Земля, по которой ты ходишь, реки, по которым плаваешь. Море... Только, похоже, море посередине. Воздух, которым ты дышишь. Это все Митгартр, средний мир. Значит еще три мира сверху и три мира снизу. Сразу над Митгартром находится Скай, или просто Небо. Без разницы, как называть. Туда иногда залетают сильные птицы. Не воробушки, малиновки и тому подобные пичуги. А ястребы, орлы и дикие гуси. Я видел там даже крупных цапель.

Я вспомнил летучий замок и сказал:

– Там еще облака.

– Ты правильно понял, – кивнул Бертольд Храбрый. – Не передумал идти в Гриффинсфорд? Сейчас я чувствую себя лучше, когда вдоволь наелся вкусного мяса. Все же лучше подождать до утра, я еще ни разу не наведывался в свою деревню в этом году.

– Не передумал. Но что насчет Эльфриса?

– Я покажу тебе пруд, где они швыряли в меня горящие головы, и старые могилы.

– У меня есть еще вопросы и насчет Ская, – сказал я. – Больше вопросов, чем я могу сосчитать.

– И больше, чем у меня ответов, скорее всего.

Неподалеку завыл волк.

– Я хочу узнать побольше про ангридов и остерлингов. Люди, у которых я останавливался в Иррингсмауте, сказали, что остерлинги разрушили замок Блюстоун.

– Вполне возможно, – кивнул Бертольд Храбрый.

– А где живут ангриды?

– В стране вечных льдов. – Он указал на север. – Они приходят с наступлением холодов и уходят со снегопадами.

– Они приходят просто грабить?

Уставившись в огонь, Бертольд Храбрый снова кивнул.

– И за рабами. Они не взяли нас в рабство, поскольку мы сражались. Решили убить нас взамен. Если ты не сражаешься, а пускаешься в бегство, они берут тебя в рабство. Забирают женщин и детей. Забрали Герду.

– А Скай?..

– Ложись спать, – сказал Бертольд Храбрый. – Нам предстоит долгий путь. Придется встать с рассветом.

– Еще всего один вопрос, пожалуйста! А потом я лягу спать, обещаю.

Он кивнул.

– Наверное, ты часто смотришь в небо. Ты сказал, что видел там орлов и даже цапель.

– Иногда.

– А ты видел когда-нибудь там замок, Бертольд Храбрый?

Он медленно помотал головой.

– А вот я видел. Я лежал на траве и смотрел на облака...

Он схватил меня за плечи, как иногда делаешь ты, и посмотрел мне прямо в глаза.

– Ты видел замок?

– Да. Честное слово. Поначалу я решил, что он не настоящий, но вскочил и побежал за ним, стараясь не упускать из виду, и это оказался настоящий замок, с шестью стенами из белого камня, высоко над облаками.

– Ты видел его. – Руки Бертольда Храброго тряслись сильнее, чем обычно.

Я кивнул.

– Он плыл высоко в небе среди облаков, гонимый тем же ветром. Он был белый, как облака, но с твердыми стенами, и на башнях развевались разноцветные флаги. – У меня перехватило горло от восторга. – Я в жизни не видел ничего красивее.

На следующее утро Бертольд Храбрый проснулся раньше меня, и, прежде чем солнце поднялось над деревьями, мы оставили крытую

шкурами лачугу позади. Он шел медленным шагом, опираясь на посох, но оказался чрезвычайно выносливым; и похоже, в пути его тянуло на разговоры сильнее, чем накануне вечером.

– Ты вчера спрашивал про эльфов? – сказал он, и я кивнул. – А я заговорил про Скай. Наверное, ты счел меня помешанным. Однако у меня были свои причины.

– Все в порядке, – сказал я. – Я хотел узнать и про Скай тоже.

Почти невидимая тропинка, по которой мы шли, вывела нас на полянку. Бертольд Храбрый остановился и указал посохом на небо:

– Туда поднимаются птицы. Ты видел.

– Я и сейчас вижу одну, – кивнул я.

– Они не могут остаться там.

– А если... Птица же может усесться на стену замка, разве нет?

– Не говори об этом! – Я не понял, рассердился он или испугался. – Ни сейчас, ни впредь.

– Хорошо, не буду. Обещаю.

– Не хочу снова потерять тебя. – Он глубоко вздохнул. – Птицы не могут остаться там. Мы с тобой вообще не можем попасть туда. Однако мы видим Скай. Понимаешь?

Я кивнул.

Бертольд Храбрый торопливо зашагал дальше, глухо постукивая посохом по земле.

– А птица видит, как ты думаешь? У орла зрение острее нашего. Видел когда-нибудь орлиное гнездо?

– Да, милях в пяти от нашей хижины было орлиное гнездо.

– На верхушке большого дерева?

– Точно. На высокой ели.

– Орел сидит там, высиживает яйца, вероятно. Как ты считаешь, он иногда смотрит наверх, а не вниз?

– Наверное, смотрит.

Я едва поспевал за ним.

– Значит, он может подняться туда, коли захочет. С эльфами то же самое. – Он ткнул в землю толстым пальцем с голубыми венами. – Они там, внизу, но мы их не видим, а они нас видят. Тебя и меня. И слышат, если мы говорим громко. При желании они могут подняться сюда, как птицы в небо, но не могут остаться здесь.

Потом мы с полчаса шли в молчании; я напрягал память, стараясь восстановить почти полностью стершиеся воспоминания. Наконец я спросил:

– А что будет, если эльф попробует остаться здесь?

– Он умрет, – ответил Бертольд Храбрый. – Так говорят.

– Это они тебе сказали? Что не могут жить здесь?

– Да.

Позже, когда мы остановились напиться воды из ручья, я сказал:

– Я не стану спрашивать, какие обиды они претерпели, но ты знаешь?

Он пожал плечами:

– Только с их слов.

Вечером мы расположились на привал на берегу Гриффина, взбодренные и освеженные купанием в журчащей воде. Бертольд Храбрый взял из дома кремень и огниво, а я насобирав сухих веток и расщепил на такие тонкие лучины, что они загорелись от первой же высеченной искры.

– Если бы не зима, я бы мог жить так всю жизнь, – сказал Бертольд, словно прочитав мои мысли.

Лежа на спине после ужина, я слышал приглушенное расстоянием уханье совы и тихий шелест ветра в ветвях деревьев, на которых только-только появились первые зеленые листочки. Как ты наверняка понимаешь, все это время я считал, что скоро буду дома. Меня похитили эльфы, думал я. Они отпустили меня в каком-то западном штате или, возможно, вообще в чужой стране. Со временем воспоминания о плене ко мне вернутся. Будь я умнее, я бы остался в Иррингсмауте, где обзавелся бы друзьями и где наверняка есть библиотека с географическими картами или американский консул. Так или иначе, в Гриффинсфорде (я по-прежнему полагал, что так называется наш город) наверняка найдется ключ к разгадке тайны, а коли нет, ничто не мешает мне вернуться обратно в Иррингсмаут. Пусть и полуразрушенный, Иррингсмаут все же оставался морским портом. Возможно, мне удастся сесть там на корабль, идущий в Америку. Что может помешать мне это сделать? Ничто и никто, а мысль о корабле успокаивала.

– У-ух! – сказала сова. В ее голосе, тихом и темном, подобно весенней ночи, слышались опаска и любопытство.

Мне тоже почудились еле слышные шаги, словно кто-то (или что-то) пробирался через лес, хотя одна-единственная капля росы, упавшая с высокой ветки, произвела бы больше шума, чем любой из них.

– У-ух... кто идет?

Ты уже, наверное, женишься, а я все буду в пути и не вернусь, покуда не стану достаточно взрослым, чтобы жить самостоятельно. Лучше всего мне поселиться в нашей хижине, во всяком случае на первый год. А еще лучше вообще подождать с возвращением домой. Домой, в мамин и папин коттедж. Домой, в хижину, куда мы ездили охотиться и рыбачить, покуда выпадет снег.

Однако сейчас стояла весна. Вне всяких сомнений. Олень, подстреленный мною, уже сбросил рога; трава в заброшенном саду замка Блюстоун была мягкой и короткой. Куда же делась зима?

Я сел на земле. Рядом никого не было, кроме Бертольда Храброго, а он спал крепким сном. Сова умолкла, но ночной ветер нашептывал свои секреты деревьям. Я снова лег и изо всех сил постарался вспомнить лицо, которое мельком увидел. Зеленое лицо? Безусловно, подумал я, безусловно оно *казалось* зеленым.

Старые деревья сменились молодыми, кустами и чахлыми ольхами, когда Бертольд Храбрый сказал:

– Ну вот, мы и пришли.

Никакого города я не увидел. Вообще ничего похожего.

– Вот здесь... – Он взмахнул посохом. – Здесь пролегалла улица. Дома на этой стороне улицы выходили задними окнами к реке, а на другой – к полям. Вот тут стоял дом Ульда, а прямо напротив – дом Бальдига. – Он взял меня за руку. – Помнишь Бальдига?

Я не помню, что я ответил, но он в любом случае меня не слушал.

– Ульд был шестипалым, и его дочь Скиена тоже. – Бертольд Храбрый отпустил мое плечо. – Подними мой посох, пожалуйста, юноша. Я покажу тебе место, где мы с ними схватились.

Мы прошли еще немного вперед, пробираясь между кустами и чахлыми деревцами. Наконец он остановился и указал рукой:

– Вот здесь стоял наш дом, наш с тобой. Только раньше он принадлежал папе. Помнишь папу? Знаю, маму ты не помнишь. Она умерла, когда тебя еще не отняли от груди. Ее звали Мэг. Сегодня мы переночуем там, где стоял наш дом, в память о прошлом.

У меня не хватило духа сказать Бертольду Храброму, что на самом деле я не его брат.

– Вот! – Он провел меня в северном направлении ярдов на сто. – Вот здесь я впервые увидел Шилдстара. Я взял с собой пареньков вроде тебя, чтобы они стреляли из лука и бросали камни, но они обратились в бегство, все до единого. Некоторые поначалу пускали стрелы и швыряли камни, но пустились наутек, как только увидели лица ангридов.

Он остался, сражался и потерпел поражение. Остро сознавая это, я сказал:

– Я бы не убежал!

Он обратил свое широкое бородатое лицо ко мне:

– Убежал бы!

– Нет.

– Убежал бы, – повторил он и взмахнул посохом, словно собираясь ударить меня.

– Я не хочу драться с тобой, – сказал я. – Но если ты попытаешься треснуть меня своей палкой, я отберу ее у тебя и сломаю.

– Значит, ты не убежал бы? – Он с трудом сдерживал улыбку.

Убедив себя самого, я решительно помотал головой.

– Нет, если только они не были ростом вон с то дерево.

Бертольд Храбрый опустил посох и оперся на него.

– Нет, вон по ту первую толстую ветвь. Откуда ты знаешь, что не убежал бы?

– Ты же не убежал, – сказал я. – А разве мы с тобой не похожи?

Задолго до заката мы устроились на ночлег на месте нашего старого дома и развели новый костер на месте старого очага. Бертольд Храбрый не один час рассказывал о своей семье и Гриффинсфорде. Поначалу я слушал лишь из вежливости, но по мере того, как удлинялись тени, мой интерес возрастал. Здесь не было ни школы, ни доктора, ни полиции. Очень редко путешественники перебирались здесь вброд через Гриффин, по холодной горной воде, едва достигавшей коленей. В лучшем случае местные жители продавали пришельцам съестное и сдавали комнаты, а в худшем сражались с чужаками, чтобы защитить свои дома и стада.

Если ангриды были великанами, то остерлинги, порой появлявшиеся здесь летом, были истинными дьяволами, пожирающими людей с целью восстановить утраченную человеческую природу. Эльфы набегали на городок подобием тумана и исчезали, словно дым на ветру.

– Главным образом, моховики и саламандры, – доверительно сообщил Бертольд Храбрый. – И еще маленькие бодаханы. Они иногда помогают людям. Находят пропавший скот и просят крови за услуги. – Он завернул рукав, обнажая руку. – Обычно я укалываю себя шипом и отдаю каплю-другую крови. Они всего лишь тина, бодаханы.

Я кивнул с понимающим видом, хотя не вполне понял.

– Тогда ты жил со мной здесь, только еще не задирали так носа. Папа вырастил меня, а я вырастил тебя. Ты начал чувствовать себя лишним, мне кажется, поскольку я ухаживал за Гердой. Прелестней девушки я в жизни не видел, и мы уже обо всем сговорились.

Я не стал спрашивать, что случилось потом.

– Ты ушел, и я думал, что ты вернешься через год-другой, когда мы обустроимся. Но ты вернулся только сейчас. Тебе понравились края, где ты жил?

Я напряг память, но сумел вспомнить лишь одно: что лучшие моменты жизни я переживал, когда оказывался в полях под открытым небом, на лодке посреди реки или в лесной чаще.

– Тебе нечего сказать?

– Нечего. – Я показал Бертольду Храброму железные наконечники стрел, извлеченных из тела оленя. – Пока не стемнело, я бы хотел приделать к ним новые древки.

– А старые сломались?

– Да, – кивнул я, – когда олень упал. Я подумал, что если бы нашел еще одно такое же дерево, из которого сделан мой лук, новые древки никогда не сломались бы.

– Неужто ты срубишь целое дерево ради пары стрел? Я помотал головой.

– Отрублю ветку-другую, вот и все. А если найду на нем один из прошлогодних плодов, посажу семена.

Бертольд Храбрый с трудом поднялся на ноги.

– Я покажу тебе такое дерево, оно до сих пор здесь.

Он провел меня в заросли кустов и, опустившись на колени, шарил руками в траве, покуда не нашел там маленький пенек.

– Колючий апельсин, – сказал он. – Ты посадил его незадолго перед своим уходом. Он рос на моей земле, и я никому не позволил бы срубить его. Только кто-то все-таки срубил, стоило мне отвернуться.

Я промолчал.

– Хотя он еще может дать побег. – Он встал, тяжело опираясь на посох. – Порой такое случается.

Я опустился на колени, вытащил из мешочка одно из двух оставшихся семян и закопал в землю рядом с пенечком. Когда я поднялся на ноги, по лицу Бертольда Храброго текли слезы. Он повел меня обратно, а потом остановился и указал посохом на простиравшиеся перед нами заросли кустов и молодых деревьев.

– Здесь было мое ячменное поле. Видишь вон то высокое дерево? Пойдем.

На полпути он указал на ярко-зеленое пятно впереди:

– Вот оно. Колючий апельсин не сбрасывает листья в отличие от большинства деревьев. Стоит зеленым всю зиму, как сосна.

Мы подошли поближе и увидели прекрасное молодое дерево высотой футов двадцать пять. Я крепко обнял Бертольда Храброго.

Мне кажется, здесь я должен рассказать побольше о колючем апельсине, но, если честно, я сам мало что знаю. Многие деревья, произрастающие в Америке, встречаются и в Митгартре тоже – дубы, сосны, клены и тому подобное. Но колючий апельсин – единственное известное мне дерево, которое произрастает также и в Эльфрисе. Небо Эльфриса совсем не кажется странным, покуда не взглядишься получше и не увидишь в нем людей и (изредка) не различишь голоса в шуме ветра. Время здесь течет очень медленно, но мы не сознаем этого. Только деревья и люди кажутся странными на первый взгляд. Я думаю, родиной колючего апельсина является Эльфрис, а не Митгартр и не Америка.

Содержание 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25
26 27 28 29 30 31 32 33 34 35